

III. Патриарх Никон в его стремлениях к утверждению независимости Русской Церкви и патриаршей в ней власти, и три основанные им монастыря

На второе, главное, дело своего патриаршествования, как и на первое, которое мы доселе рассматривали, Никон был вызван также современными обстоятельствами. Это второе дело состояло в том, чтобы отстоять независимость церковной и особенно патриаршей власти. Никогда зависимость Русской Церкви от мирских властей не доходила до такой степени, до какой достигла в первые годы царствования благочестивейшего царя-юноши Алексея Михайловича. По его приказанию была составлена и издана в свет книга Уложение, которою учрежден в качестве особого, самостоятельного судебного места Монастырский приказ, существовавший дотоле в виде отделения в Приказе Большого дворца, и суду этого Монастырского приказа, состоявшего только из светских судей, были подчинены по всем гражданским делам или во всех гражданских исках все духовные лица от высших до низших: все митрополиты, архиепископы и епископы наравне с своими приказными и дворовыми людьми, детьми боярскими и крестьянами; все настоятели монастырей со всею братиею наравне с монастырскими слугами и крестьянами и все белое духовенство также наравне с своими крестьянами. Никон считал Уложение, как и выражался впоследствии, "книгою, св. Евангелию, и правилам св. апостол и св. отец, и законом греческих царей во всем противною" и если подписался под ним вместе с другими, то подписался "поневоле", будучи тогда только архимандритом. А когда сделался Новгородским митрополитом, он не захотел подчиняться Монастырскому приказу, и царь пожаловал своему любимцу несудимую грамоту, которою все духовенство Новгородской епархии освобождалось от подсудности названному приказу и Никону предоставлено было право судить своим судом даже по управным делам не только все духовные лица епархии, но и церковных крестьян. Тем более не мог подчиниться Никон Монастырскому приказу, когда был призван на патриаршую кафедру. И вот при самом избрании его на эту кафедру он решительно объявил пред всеми, что в таком только случае согласится занять ее, если сам царь, и бояре, и освященный Собор, и все православные дадут торжественный обет пред Богом, что они будут сохранять "евангельские Христовы догматы, и правила св. апостол и св. отец, и благочестивых царей законы" и будут слушаться его, Никона, "во всем яко начальника, и пастыря, и отца краснейшаго". Когда обет был дан и Никон сделался патриархом, он позаботился как можно более утвердить под собою почву. Еще при патриархе Иосифе под конец его жизни и по совету, может быть, самого же Никона, имевшего уже тогда пред государем преобладающий голос в делах церковных, начата была (7 ноября 1649 г.) печатанием как бы в противовес Уложению книга Кормчая, Книга правил святых апостолов, святых Соборов и святых отцов вместе с некоторыми узаконениями благочестивых царей греческих. Теперь,

когда печатание Кормчей окончилось, Никон не позволил тотчас выпустить ее в свет, а захотел предварительно освидетельствовать ее сам вместе с митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами и игуменами. При этом свидетельствовании напечатанной Кормчей он сделал в ней только немногие и неважные исправления и опущения, но зато сделал весьма важные для своей цели прибавления. Прибавил в начале книги статью о происхождении патриаршества в России, ясно показывавшую полную церковную самостоятельность и независимость Русского патриарха наравне с прочими патриархами, а под конец книги поместил подложную (конечно, не подозревая этой подложности) грамоту святого царя Константина папе Сильвестру, изображавшую, какими высокими правами и преимуществами будто бы наделил равноапостол Римского, а за ним и всех прочих патриархов и как оградил неприкосновенность их власти и их имений по всей вселенной и укрепил навсегда до скончания века. В таком-то виде Никон наконец выпустил в свет 15 июня 1653 г. книгу Кормчую для руководства духовенству и мирянам.

Царь Алексей Михайлович, питавший и прежде полное доверие к своему "собинному другу", а теперь связанный еще торжественным обетом слушаться его во всем как патриарха, охотно покорялся его советам. И участие Никона даже в гражданских и государственных делах было так велико и очевидно для всех, что спустя каких-нибудь три-четыре месяца после его вступления на патриаршую кафедру, если не прежде, его уже величали в официальных бумагах великим государем, как именовался некогда отец царя Михаила Федоровича патриарх Филарет Никитич. Правда, насколько доселе известно из документов, в 1652 г. Никона называли великим государем только настоятели монастырей, а владыки в своих грамотах, равно как печатавшиеся тогда церковные книги в своих послесловиях, титуловали его еще великим господином. Но в 1653 г. его величали великим государем и печатавшиеся церковные книги, и владыки, и бояре или вообще светские люди, и сам он, и сам царь Алексей Михайлович, хотя царь называл его еще иногда, как и сам Никон самого себя, только великим господином. В последующее время название великого государя в титуле патриарха Никона сделалось уже общепринятым и обыкновенным. Кто первый вздумал усвоить Никону такое высокое название, неизвестно, но только это произошло не по царскому указу: будь царский указ - тогда Никона стали бы величать великим государем и владыки одновременно с настоятелями монастырей, и все вообще православные русские, да и сам царь не называл бы уже его иногда только великим господином. Но царь освятил и утвердил за Никоном имя великого государя, когда сам пред всеми начал величать его этим именем. Все, например, слышали, как 23 октября 1653 г. в Успенском соборе царь в своей речи к боярам в присутствии самого Никона говорил: "Мы, великий государь царь и великий князь... советовав с отцом своим и богомольцем, *великим государем* святейшим Никоном, патриархом Московским и всея Руси... приговорить изволили идти против недруга своего польского короля..." Особенная расположенность царя к Никону и их тесная дружба наглядно для всех выражалась и тем, что царь весьма часто, несравненно чаще, чем бывало при прежних патриархах, приглашал Никона к своей царской трапезе, а часто и сам посещал Никона и участвовал в его

трапезе. Сохранилось свидетельство, что в 1653 г. Никон слал свои указы самим воеводам, хотя по своим частным делам.

В половине мая 1654 г. Алексей Михайлович уехал из Москвы на войну с поляками - в отсутствие государя могущество Никона сделалось еще заметнее. К концу того же месяца прибыли в Москву послы от Киева ходатайствовать об утверждении прежних прав этого города и о даровании ему новых льгот. Просьбы послов, изложенные по статьям, равно и представленные послами документы - грамоты польских королей, рассматривали и обсуждали бояре и постановляли по ним решения, а утверждал эти решения за отсутствием государя патриарх Никон. Под некоторыми из статей помечено: "Великий государь святейший патриарх указал быть по боярскому приговору"; под другими: "Святейший патриарх указал и бояре приговорили быть по королевскому привилею"; под третьими: "Великий государь святейший патриарх указал о льготе на 10 лет" и подобное. На войне царю Алексею Михайловичу понадобились для войска подводы - и Никон рассылал по всему государству к воеводам городов свои грамоты, в которых, как, например, в грамоте к вологодскому воеводе (от 9 июля 1654 г.), писал: "Указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси и *мы, великий государь*, со всех монастырей быть для его государевой службы под Смоленском подводы с телегами, с проводниками... и по *нашему указу* довелось с вологодских монастырей взять... а однолично тебе *государева нашего указу* в оплошку не поставить..." и пр. К концу июля вследствие открывшегося морового поветрия патриарх Никон по воле государя выехал из Москвы вместе с царским семейством, которое было вверено его попечению и которое после нескольких передвижек, остановилось наконец в Калязином монастыре. Туда присылали воеводы из Москвы и из других городов известия о ходе поветрия, и Никон от имени младенца, царевича Алексея Алексеевича, которому едва исполнилось несколько месяцев, а иногда от имени царевича и царицы давал указы гражданским властям о мерах предосторожности против поветрия. Туда же приходили и от царя из Белоруссии первые известия о его победах, и Никон слал грамоты к московским воеводам, чтобы в Москве отправляемы были торжественные молебствия. Случалось, что он давал этим воеводам указы именем самого царя государя, например, указ о запрещении немцам торговать в своих домах в Новой слободе. И знатные московские воеводы, которым царь доверил свою столицу на время его отсутствия: князь Михаил Петрович Пронский, три князя Хилковы да князь Василий Ромодановский, в своем ответе Никону (август 1654 г.) выражались: "Великому государю святейшему Никону, патриарху Московскому и всея Великия и Малыя России, Мишка Пронский с товарищи челом бьют. В твоей государеве грамоте писан к нам царев и вел. князя Алексея Михайловича указ велети нам сказать московским торговым немцам..." и пр. Так раболепно выражались бояре о своем имени только пред царем государем.

В начале февраля 1655 г. Алексей Михайлович возвратился было в Москву, где уже не было морового поветрия, но спустя месяц снова отправился на войну в Литву и находился там до 10 декабря. В 15-й день мая 1656 г. царь в

третий раз выехал из Москвы в поход, и уже не против польского, а против шведского короля, и воротился в нее только 17 января 1657 г. Во все это время Никон оставался в столице главным действующим лицом. Он рассылал воеводам и другим властям грамоты, в которых именем царя и вместе своим указывал высылать из монастырских вотчин то лошадей, то хлебные запасы для царского войска. Иногда (16 августа 1656 г.) слал воеводам свои указы от имени царевича Алексея, а иногда (18 октября) и от своего собственного имени.

В эти годы царского отсутствия из Москвы могущество Никона достигло своей высшей степени. В нем привыкли видеть действительно великого государя, а не по одному имени как бы равного самому царю, и высказывали это даже в печати. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 г. по благословению самого Никона, говорится, что Бог даровал России "два великие дара": благочестивого и христолюбивого великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха; что оба эти великие государи "предстательствоваста" на Московском Соборе 1654 г.; что "богоизбранная сия и богомудрая двоица" по окончании Собора "повелеша" собрать в Москву древние святые книги, "богоизбранная сия сугубица" послали свои грамоты к Цареградскому патриарху Паисию; что по получении ответа от Паисия "благочестивая сия и богомудрая двоица" созвали новый Собор в Москве и пр. В заключение предисловия читаем: "Должно убо всем повсюду обитающим православным народом восхвалити же и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людем своим сию премудрую двоицу, великаго государя царя Алексея Михайловича и великаго государя святейшаго Никона патриарха, иже... праведно и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен... храняще, всем всюду сущим под ними тое же творити повелеша... Темже благословен Бог, в Троице Святей славимый, таковых великих государей в начальство людей своих избравый! Да даст же им, государем, по пророку желание сердец их... да возрадуются вси живущии *под державою их...* яко *дапод единым их государским повелением* вси повсюду православнии народи живуще утешительными песнями славити имут воздвигшаго их истиннаго Бога нашего".

Драгоценные сведения о тогдашнем значении и могуществе патриарха Никона оставил нам архидиакон Павел Алеппский, который именно в это время прожил в Москве почти полтора года (с начала февраля 1655 г. до конца мая 1656 г.) вместе с отцом своим, Антиохийским патриархом Макарием, и имел возможность хорошо присмотреться к Никону и к течению дел в столице Московского государства.

"Любовь царя и царицы к Никону, - пишет архидиакон, - превышает всякое описание. При личном свидании с патриархом царь всегда испрашивает у него благословение и целует его руку, а Никон в то же время целует царя в голову". В частности, Павел передает несколько случаев, в которых выражались особенное благоволение и уважение царя к патриарху. Например, "в 22-й день 1655 г... Никон праздновал новоселье в своих великолепных палатах, которые соорудил сам. Все архиереи, начиная с Антиохийского патриарха Макария, а за

ними настоятели монастырей приветствовали Никона и подносили ему сребропозлащенные иконы с хлебом-солью, а некоторые, кроме того, большие вызолоченные чаши, куски бархату, парчи и подобные. Затем поднесены были ему разнообразные дары от белого духовенства, от купечества, от государственных сановников и от других лиц. Наконец, явился с своими приветствиями царь. Сначала он поклонился Никону и поднес ему от себя лично три хлеба с солью и три сорока дорогих соболей, потом столько же хлебов и соболей от своего сына и царицы, столько же от своих сестер, столько же от своих дочерей - всего двенадцать хлебов с солью и двенадцать сороков соболей. И все эти дары одни за другими царь подносил сам своими руками. Никон стоял в переднем углу своей обширной залы, и царь спешно ходил чрез всю эту залу к дверям ее, брал там по частям свои подарки, которые держали стольники, и носил пред лицо Никона, а стольникам только повторял, чтобы подавали скорее. Поднося каждый дар, он кланялся патриарху и говорил: "Сын Ваш, царь Алексей, кланяется Вашему святейшеству и подносит Вам..." и пр. Подобное же говорил, когда представлял дары от своего сына и царицы, от своих сестер и дочерей, называя всех их по именам. От долгого хождения взад и вперед и ношения немалых тяжестей царь очень устал. Все присутствовавшие, особенно пришельцы из Сирии, были поражены таким изумительным смирением и услужливостью царя пред патриархом. В 1656 г., в самый праздник Крещения Господня, когда в Успенском соборе только что окончилась Божественная литургия, за которую присутствовал и царь, ему внезапно подано было донесение от виленского воеводы о блестящей победе царского войска над поляками, покушавшимися взять Вильну обратно. Никон тотчас во всем облачении взошел на амвон, прочел это радостное известие пред всею Церковию и, приветствуя царя, плакавшего от радости, велел возгласить ему многолетие и при этом величать его царем всея Великия, и Малыя, и Белыя России, так как Вильна считалась столицею Белоруссии. Тогда и царь, поздравляя Никона, приказал возгласить ему многолетие и именовать его патриархом всея Великия, и Малыя, и Белыя России. В тот же день, поздним вечером, Никон отправился в свой Иверский монастырь, который сооружал в пределах новгородских на Валдайском озере, а спустя десять дней (17 января) царь с несколькими вельможами и другими спутниками отправился в свой царский любимый монастырь преподобного Саввы Сторожевского. Здесь, принимая дорогого гостя, Антиохийского патриарха Макария, и угощая его, царь, когда окончился обед, сам роздал всем участвовавшим в трапезе кубки с вином и первый тост возгласил за здравие отсутствовавшего Московского патриарха Никона. И потом уже, когда пропели многолетие Никону, второй тост возглашен был за здоровье самого царя, и ему пропели многолетие. Февраля 1-го возвратился в Москву из Иверского монастыря патриарх Никон. Для встречи его царь выезжал еще накануне вечером за двадцать верст от столицы".

Пользуясь такою любовью и благоволением государя, Никон высоко себя держал по отношению ко всем мирским людям, даже самым высшим и знатным. "Прежде обыкновенно вельможи входили к патриарху без доклада чрез привратника; если он знает о посещении вельможи, то спешил к нему навстречу и после при уходе его провожал его до наружных дверей. Никон же

заставляет вельмож долго ждать, пока не дозволит войти, и они входят к нему со страхом и трепетом и, изложив пред ним свои дела стоя, удаляются, тогда как он все сидит на своем месте..." "Пред своим отправлением в поход (в 1655 г.) государь назначил в Москве наместника и несколько министров, подчинив их наместнику и указав каждому определенную должность, а главным начальником над всеми ими поставил патриарха, так что ни одно дело, важное или маловажное, не могло решаться без доклада ему, что бывает обыкновенно каждое утро. Министры и наместник каждое утро обязаны были являться в присутствие, или совет, к патриарху для обсуждения государственных и общественных дел со всем вниманием; никто из них не смел решить какое-либо дело у себя на дому... Если случалось, что не все министры собирались в совет к тому времени, как раздавался звон колокольчика, приглашавший их войти в палаты патриарха, то опоздавшим долго приходилось ждать, иногда на сильном холоде, пока патриарх не давал им особого приказа войти, - это мы видели собственными глазами, потому что в отсутствие государя наш господин (т. е. патриарх Макарий) ежедневно ходил к патриарху (Никону) осведомляться о здоровье государя и узнавать новости. В этих случаях, пока наш господин оставался у патриарха, министры стояли и дожидались вне патриарших палат. Когда же он позволял им войти, то обращался к иконам и тихо прочитывал "Достойно есть", между тем как министры кланялись ему в землю все вместе. Затем каждый из них подходил и кланялся патриарху отдельно и получал от него благословение. Разговаривал с ними патриарх стоя. Министры делали ему доклад о текущих делах, и патриарх о всяком деле давал каждому свой ответ и приказывал, как поступить. Сколько мы могли заметить, бояре и сановники не столько боятся своего царя, сколько патриарха, и в некоторых случаях последнего боятся даже гораздо более. Прежние патриархи вовсе не вмешивались в государственные дела, но Никон при своих талантах, проницательности и различных знаниях достиг того, что равно искусен как в церковных, так и в государственных и даже мирских делах, потому что прежде был женат и долго жил в мире. По окончании рассмотрения дел патриарх опять читал "Достойно есть" и, благословив своих посетителей, отпускал их, а сам отправлялся в церковь". Можно судить, как тяжело было нашим вельможам такое отношение к ним патриарха.

Еще сильнее и обширнее, а главное - самостоятельнее и независимее, но, к сожалению, и тяжелее была власть Никона в области дел церковных. Прежде участие государя в этих делах простиралось до того, что по его воле и указанию или с его согласия и утверждения назначались все настоятели монастырей; по его желанию иногда избирались, а всегда им утверждались сами архипастыри; к нему нередко обращались лица духовные с жалобами на решения своих архиереев и самого патриарха. Никон, будучи единогласно избран на патриаршую кафедру, до тех пор отказывался от нее - как передает Павел Алеппский, конечно, на основании слышанного от других, - пока царь Алексей Михайлович не дал грамоты, что "он не будет вмешиваться ни в какие духовные дела и что распоряжения патриарха будут самодержавны, без противоречия и апелляций". И обещание царя соблюдалось в точности. Никон сам по своему усмотрению определял не только на настоятельские должности в монастырях,

но и на архиерейские кафедры. "Прежде никто не возводился в сан архимандрита иначе как только по повелению царя, равно как никто и не лишался этого сана, как только по указу царя. Никон уничтожил такое правило. Он раздает эти должности сам кому хочет, без всяких совещаний с кем бы то ни было... Обычай при поставлении епископов теперь такой: патриарх избирает двенадцать кандидатов и, написав имена их на маленьких листках бумаги, втыкает эти листки в восковую свечу, стоящую на престоле, и после трех литургий в следующие три дня призывает дитя и поручает ему взять с престола один из тех листков: чей листок возьмется, тот и признается избранным". Никон никому не подчинялся в своих распоряжениях и решениях и только сам мог изменять их по своему усмотрению. "Если он когда милует кого или прощает кого, то единственно по своему личному побуждению; он не терпит никакого вмешательства в свои дела, и, за исключением царя, никто не осмеливается ходатайствовать пред ним". Сам царь Алексей Михайлович сказал однажды публично при Антиохийском патриархе Макарии и архидиаcone Павле Алеппском, когда принимал их в своем Сторожевском монастыре, одному греческому диакону, запрещенному Никоном и просившему разрешения: "Я боюсь патриарха Никона; может случиться, что он отдаст мне свой посох и скажет: "Возьми его и правь сам монахами и священниками; я не мешаю тебе в управлении воеводами и воинами, зачем же ты идешь мне наперекор в управлении монахами и попами?.." "Таким образом, - пишет Павел Алеппский, - Никон тотчас же после своего восшествия на патриаршую кафедру получил неограниченную власть. Все испугались его, и он до сего времени - страшный тиран для архиереев, архимандритов и для всего священного чина и даже для людей сильных, состоящих на царской службе. На него не имеет влияния никакое ходатайство, кем бы оно ни было ему принесено..."

Ближайшим образом Никону была подчинена его обширнейшая патриаршая епархия. И здесь являлся он самым полновластным владыкою и резко отличался от всех других епархиальных владык. Другие архиереи, митрополиты, архиепископы, епископы, со всем своим духовенством, с монастырями и крестьянами по гражданским, или урядным, делам подлежали Монастырскому приказу; один патриарх со всеми служащими при нем людьми, со всеми своими монастырями и крестьянами был изъят, по самому Уложению, во всяких делах из ведомства Монастырского приказа. И Никон в своей епархии ведал и судил все духовенство, белое и монашествующее, и всех церковных людей и крестьян не только в делах духовных, но и во всяких делах управных на основании известной грамоты, данной еще патриарху Филарету сыном его, царем Михаилом. Несмотря, однако ж, на все это, Никон испросил еще себе в 1657 г. у царя Алексея Михайловича подтверждение как этой грамоты, данной Филарету, так и другой подобной, данной царем Борисом патриарху Иову. Для управления такою обширною епархией при Никоне, как при Филарете Никитиче и его преемниках, существовали на патриаршем дворе разные приказы "Под патриаршими покоями, - говорит Павел Алеппский, - находятся семь присутственных комнат, или зал, в которых заседают семь судей и при них многие чиновники. В каждой присутственной комнате рассматриваются известного разряда дела. В одной - разбираются дела, касающиеся монахов и

монастырей, и все обвинения против них. В другой - дела белого духовенства: сюда являются все желающие получить свящ. сан и представляют свидетельства о себе от местных прихожан. Есть также присутственная комната и для разбора дел о наследствах... О каждом деле, которое происходит в этих присутственных местах, судьи ежедневно докладывают патриарху и спрашивают, какое ему угодно положить решение... При каждой присутственной зале имеется темница со множеством железных цепей и больших деревянных колодок. Если кто из монастырских властей или из старшего клира совершит какое преступление, то виновного приговаривают к кандалам и осуждают на известный срок сеять муку в монастырской пекарне - мы сами видели их в таком положении. Патриарха окружает множество сановников, состоящих на службе. Некоторым из них он вверяет управление целыми областями (вероятно, где находились его крестьяне и вотчины); другие суть депутаты, казначеи, секретари по разным делам. Иные состоят надзирателями над его казначейством, другие - над подвалами, третьи - над кладовыми, четвертые заведуют приходами, пятые - расходами" и пр. В других местах Павел Алеппский рассказывает о строгостях Никона к подведомому духовенству: "Патриаршие стрельцы постоянно обходят город и, как только встретят священника или монаха нетрезвого, немедленно берут его в тюрьму и подвергают всякому поношению - мы сами видели патриаршие тюрьмы, наполненные этими несчастными, которые находились в самом плачевном положении, обремененные тяжелыми цепями и колодами на шее и ногах... От того отступился Бог, на того изливается гнев его, кто в чем-либо провинился пред патриархом, кто замечен им или в пьянстве, или в нерадивом исполнении пастырских обязанностей, - такой немедленно присуждается к ссылке. В прежнее время монастыри сибирские были почти пусты. Никон же успел наполнить их монастырскими властями, священнослужителями и преступными монахами. Если кто-либо из священников оказывается в чем-либо виновным, Никон тотчас снимает с головы его скуфью, что почти равняется запрещению в священнослужении..." Посетили патриарх Макарий и сын его, архидиакон, Свято-Троицкую Сергиеву лавру, и там "мы сами видели, - свидетельствует последний, - только что выстроенную деревянную келью без окон и без всякого отверстия, кроме дверей, и в ней троих заключенных. На вопрос об них нам сказали, что это бывшие дьяконы, которые, овдовев, оставили места своего служения и поженились в другой раз. Но едва только узнал об этом патриарх, как приказал заковать их, отослать в Сергиев монастырь и здесь посадить в названную келью и не давать им пищи, пока не умрут с голода. Когда мы проходили мимо их, они плакали и издавали такие жалобные вопли, что у нас сердца надрывались. Несчастные подали нашему господину просьбу походатайствовать за них, чтобы им дозволено было поступить в монахи, надеясь хоть этим спастись от горькой смерти. Наш владыка принял в них участие, и по его ходатайству они были освобождены".

Никон как патриарх наследовал от своих предместников огромное количество вотчин и других земельных владений, так что и в этом отношении занимал одно из первых мест в ряду русских владельцев и государственных сановников и равнялся с знатнейшими из них обширностью своей власти. При всем том Никон, пользуясь расположением к нему царя Алексея

Михайловича, умел еще более распространить свою владельческую область, в которой являлся почти самостоятельным государем. Царь не только жаловал по просьбе Никона новые земли патриаршему дому, или кафедре, как бывало и при прежних патриархах, например в 1653 г. пожаловал два учуга - Комызык и Чеганчету в Астрахани, но пожаловал в 1654 г. село Антоново и деревню Юрьевку в Курмышском уезде Никону лично "в особ, не в домовыя патриаршия земли". Этого мало. Несмотря на то что по Уложению, против которого так восставал Никон, прямо запрещено было патриарху, как и другим архиереям и всем духовным лицам, умножать свои недвижимые имущества посредством покупки, для Никона делались и здесь исключения. Царь дозволял Никону покупать новые земли и вотчины как на его собственное имя, так и для трех новых, основанных самим Никоном и излюбленных им монастырей.

Никону, когда он был еще митрополитом Новгородским, полюбилось во время его ежегодных переездов из Новгорода в Москву одно небольшое и малолюдное село Валдай и находившееся при нем большое озеро Валдайское со множеством островов, покрытых лесом. И у Новгородского владыки тогда еще родилось желание устроить на одном из островов этого озера общежительную обитель. В 1652 г., путешествуя на Соловки за мощами святителя Филиппа, Никон имел однажды на море, как сам рассказывает, сонное видение: ему явился святитель Филипп и укреплял его на то "благое дело". И Никон, пробудившись от сна, дал обет воздвигнуть на Валдайском озере монастырь и в нем две церкви: одну во имя чудотворной иконы Богоматери Иверской, копию с которой он достал себе с Афона, когда был еще новоспасским архимандритом, а другую во имя святителя Московского Филиппа. Возвратившись в Москву с мощами святителя и затем сделавшись патриархом, Никон открыл свое желание и свой обет царю Алексею Михайловичу и просил пожаловать место для построения монастыря. И государь пожаловал из своих дворцовых сел как на устройство монастыря, так и на пропитание будущей в нем братии село Валдай с озером Валдаем, а также окрестные села и деревни с пустошами, озерами и всякими угодиями. Никон отправил надежных людей и во главе их архимандрита новгородского Свято-Духова монастыря Иакова избрать один из Валдайских островов, наиболее пригодный для построения на нем монастыря. Когда остров был избран, Никон, одобрив избрание, прислал в сентябре 1653 г. архимандриту Иакову благословение приступить к постройке монастыря и вместе образ Пречистой Богородицы Иверской пядницу, обложенный чеканным серебром, позолоченный и украшенный драгоценными камнями. А Новгородский митрополит Макарий, в епархии которого находился Валдай, прислал тому же архимандриту по приказанию Никона благословенную грамоту на сооружение как монастыря, так и двух деревянных церквей, соборной во имя Иверской иконы Богоматери и трапезной во имя святителя Филиппа, и два антминса, с тем чтобы сам архимандрит и освятил обе церкви по окончании их. Валдайское озеро Никон велел в октябре с соизволения государя называть "Святым озером", самый монастырь Иверским, и вскоре за тем и село Валдай переименовано в Богородицкое. Наделив ново строящийся монастырь несколькими из своих дворцовых сел, царь дозволил еще Никону вопреки своему Уложению приобретать для того же монастыря вотчины покупкою. И

Никон в ноябре купил в Клинском уезде село Щапово с деревнями да 60 пустошей. А царь в следующем месяце пожаловал на Иверский монастырь несколько новых рядков в Новгородском уезде с их угодьями и целый боровицкий Яковлевский монастырь с его вотчинами - и все это пожаловал Никону, как сказано в царской грамоте, "к новому его монастырю в монастырские земли, а не в домовые патриарши вотчины".

В начале 1654 г., когда Иверский монастырь был уже окончен строением и обеспечен средствами, Никон позаботился о его церковном возвышении и внутреннем устройстве. Отпустив архимандрита Иакова на его прежнюю должность в Новгород, Никон избрал для своего монастыря нового настоятеля по имени Дионисий, "мужа искусства и Божественному писанию исполнена, добродетельна, незлобива и кротка", произвел его в архимандрита и "чести ради той св. обители" благословил его и его будущих преемников служить Божественные службы в митре, с палицею, с ковром, с сулком на посохе, с рипидами, с осенением и занимать при соборных служениях и заседаниях четырнадцатое место после сторожевского архимандрита. В то же время патриарх послал нового иверского архимандрита Дионисия с двумя другими настоятелями монастырей в Боровицкий монастырь, чтобы они перенесли оттуда с подобающею честью мощи святого праведного Иакова Боровицкого в Иверский монастырь, а сам устроил в Москве на собственные деньги сребропозлащенную раку для этих мощей и четыре сребропозлащенные ковчега, в которые вложил части мощей четырех Московских святителей: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа. С этими ковчегами и ракою Никон отправился сам в Иверский монастырь, а Новгородского митрополита Макария послал для сретения мощей святого Иакова Боровицкого. Макарий встретил мощи за двадцать верст от Иверской обители в селе Едрове, туда же спустя три-четыре часа прибыл и Никон с святынею из Москвы. Оба крестные хода здесь соединились и 24 февраля с великим торжеством внесли всю принесенную святыню в соборную церковь Иверской обители. Через два дня Никон вместе с митрополитом Макарием и многочисленным духовенством переложил мощи святого Иакова Боровицкого в новую раку, совершил литургию, щедро обделил всю братию, которой было тогда уже "пять пятериц со едином", царскою и своею милостынею, сам избрал и освятил место для созидания каменной соборной церкви и дал обители уставную грамоту, собственноручно им написанную, для постоянного руководства. Скоро Никон купил для Иверского монастыря новые села и деревни, а царь, утверждая за монастырем своею грамотою от 6 мая "во веки неподвижно" все его вотчины, жалованные, купленные, меновые и закладные, пожаловал ему еще: в Короцком погосте Покровский монастырь с крестьянами и со всеми угодьями; в Деревяницком погосте Лисий, или Лисич, монастырь со всеми вотчинами; в Москве для приезда монастырских властей двор, где прежде останавливались греки, между Богоявленским монастырем и подворьем Новгородского владыки; в Старой Руссе шесть соляных варниц с заводами, амбарами и двором и пр. Это было еще до отправления Алексея Михайловича на войну против поляков и до появления морового поветрия в Москве. А к концу года, когда Никон представил царю, возвращавшемуся уже с войны, в Вязьме все его семейство, царь в

благодарность Никону, сохранившему своими "молитвами" и своим "бодроопасным тщанием" это семейство от поветрия, пожаловал еще 5 декабря на Иверский монастырь свою вотчину - пригород Холм с крестьянами, деревнями и угодиями, взамен которой, впрочем, спустя месяц велел отвести монастырю целых пять погостов в Старорусском уезде также с деревнями, с крестьянами и со всякими угодиями.

Начало 1655 г. ознаменовалось для Иверской Свято-Озерской обители переселением в нее иноков Кутеинского монастыря из-под Орши. Этот многолюдный монастырь, славившийся строгостью своего общежития и особенно благочестием своего основателя и игумена Иоиля Труцевича, много пострадал тогда вместе с другими белорусскими монастырями по случаю военных обстоятельств. Патриарх Никон, наслышавшийся о достоинствах Иоиля и его обители, просил царя Алексея Михайловича, чтобы он повелел перевести кутеинскую братию в Иверский Свято-Озерский монастырь "ради устройства в нем общаго жития". Царь охотно дал повеление, и Иоиль немедленно покорился желанию патриарха и покинул родной край. Но дряхлый старец во время переселения скончался на пути в местечке Болдине и завещал братии перенести его тело в Иверскую обитель, сказав: "Аз послушание мое к пастырю (Никону) и по смерти сохранию". Сопутствовавшие Иоилю кутеинские монахи тотчас же избрали себе (в феврале 1655 г.) на место его нового игумена Дионисия, бывшего у них наместником, и Никон утвердил его настоятелем своего Иверского монастыря, а впоследствии возвел и в сан архимандрита, дав прежнему иверскому настоятелю, архимандриту Дионисию, настоятельское место в другом монастыре. Впрочем, теперь переселилась в Иверский монастырь только часть иноков из Кутеинского монастыря, многие же еще остались в этом же монастыре или разошлись по другим белорусским обителям. Потому Никон послал наместника Иверского монастыря Филофея с грамотою своею от 20 октября 1655 г. пригласить и остальных кутеинских монахов из Белоруссии в Иверскую обитель и перевезти сюда из Кутеинского монастыря "печать книжную со всяким нарядом, и печатныя книги, и печатных мастеров". В этой перенесенной в Иверский монастырь типографии со временем было напечатано несколько книг. Некоторые из переселившихся сюда кутеинских монахов были люди образованные: одни из них занимались впоследствии по поручению церковных властей переводами на русский язык литовско-польских хроник и других сочинений, другие - переплетным мастерством, третьи - резьбою на дереве, и под их влиянием при Иверском монастыре возникло и процвело изразцовое дело. Патриарх Никон, очень довольный поселением в его излюбленной обители таких иноков, начал просить государя о новых ей милостях, и государь велел (7 мая и 3 декабря 1655 г.) приписать к Иверскому монастырю еще четыре монастыря со всеми их вотчинами и угодиями: в Клину - Успенский, в Твери - Федоровский, в Торжке - Рождественский и в Старой Руссе - Спасский. Первые три монастыря пожалованы с целию, чтобы Никон мог иметь в них остановку и отдых во время своих поездок в Иверскую обитель.

В августе 1655 г. Иверский монастырь посетили патриархи Антиохийский и Сербский на пути в Новгород. Они встречены были здесь с

великою честью, провели до пяти дней (14 - 19 августа), оба совершали литургию на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Монахов в монастыре было множество, и в числе их до 70 переселившихся сюда из Кутеинского монастыря. Патриархам сказывали, что Никон купил для Иверской обители около 60 деревень за 60 тысяч рублей, подарил ей много ферм, составлявших собственность патриаршего престола, с их заведениями, 80 соляных и 180 рыбных озер, что на постройку монастыря истрачено до миллиона монет и что доходы монастыря простираются свыше 10000 рублей в год. Новый каменный храм в монастыре был уже вчерне совершенно окончен, и патриархам показалось, что он "и просторнее, и красивее, и выше соборного храма московского".

Для этого храма в Иверской обители Никон заблаговременно приготовил новую икону Иверской Божией Матери. Еще будучи Новгородским митрополитом, он, наслышавшись от достоверных мужей о чудесах, совершавшихся на Афоне от Иверской иконы Богоматери, послал туда искусных иноков-иконописцев для снятия с нее точной копии, но желание его только "многими леты и со многим трудом в совершение прииде", как сам он свидетельствует в одной своей грамоте 1654 г. Сопровождавшие икону с Афона священноинок Корнилий и монах Никифор чрез Молдавию и Валахию встретили затруднение при переправе через Дунай. С них потребовали такую пошлину, какой они не в состоянии были заплатить, и они помышляли уже вернуться на Афон, если бы не выручил их своею помощью богатый грек Мануил Константинов, ехавший в Москву по торговым делам и не согласившийся в Москве принять вознаграждения от Никона. Как бы то ни было, но в 1654 г. икона находилась уже в Москве, и Никон не пожалел своих келейных сокровищ, чтобы устроить для нее ризу, украшенную множеством драгоценных камней и стоившую, по словам его самого, до 44000 рублей в тогдешнее время. Устройство ризы кончено, судя по вычеканенной на ней надписи, к 1 марта 1656 г. Приготовив для новой соборной церкви Иверского монастыря такую богато украшенную икону, Никон приказал вылить для той же церкви новый большой колокол в 780 пудов и, когда все было готово к освящению ее, сам прибыл в Иверскую обитель. Здесь уже ожидали его два митрополита - Новгородский Макарий и Крутицкий Питирим и Тверской архиепископ Лаврентий со многими архимандритами, игуменами и священниками. С ними-то 16 декабря 1656 г. он и совершил торжественное освящение соборной монастырской церкви, предварительно поставив в иконостасе ее новую икону Иверской Богоматери, принесенную с Афона. Таким образом, в течение трех лет могущественный патриарх успел и воздвигнуть, и украсить, и возвысить в иерархическом отношении свою Иверскую обитель, и сделать ее одною из богатейших обителей в России.

Едва успел Никон довести до конца сооружение своей Иверской Свято-Озерской обители, как приступил к основанию другой. Что подвигло его к этому, объясняет он сам. В 1639 г., когда он был еще иеромонахом, однажды он плыл морем из Анзерского скита и от великого волнения морского едва не утонул, но, уповая на силу Животворящего Креста, был спасен и прибит

волнами к острову Кию пред Онежским устьем. В память своего спасения он водрузил святой крест на том месте острова, где ступил на берег. Прошло тринадцать лет, и Никон, уже Новгородский митрополит, возвращаясь из Соловецкого монастыря морем с мощами святителя Филиппа, пристал к тому же острову Кию и увидел, что крест, им поставленный, стоит в целости, а при том услышал, что многие застигнутые на море бурю, видя этот крест, спасаются верою от потопления. Никон тогда же дал обет построить здесь монастырь Ставрос, т. е. Крестный, во имя Святого Животворящего Креста и святителя Московского Филиппа. О всем этом Никон рассказал царю Алексею Михайловичу, и царь по просьбе Никона пожаловал ему грамоту, которою позволял "на том острову, идеже честный крест водрузил (Никон), поставить церковь и *монастырек соградить*". Грамота царя дана была 13 июня 1656 г. А через десять дней Никон издал от себя весьма обширную окружную грамоту ко всем православным отечественной Церкви и, рассказав им вначале то же самое, что прежде рассказал царю, призывал их делать пожертвования на вновь сооружаемую Крестную обитель. Не знаем, были ли и как велики были эти пожертвования, но знаем, что сам Никон еще до основания Крестной обители устроил для нее большой крест из кипарисного дерева, представлявший собою по высоте и широте, как свидетельствовал Никон, точное подобие того Креста, на котором был распят Господь. Этот кипарисный крест украсил Никон серебром, золотом и драгоценными камнями и внутри его положил до 300 частиц святых мощей с кровию разных святых мучеников и с частицами чтимых палестинских камней. На сторонах креста изображены были святые равноапостольные Константин и Елена в виде предстоящих, а у подножия - царь Алексей Михайлович, царица Мария Ильинишна и сам патриарх Никон в молитвенном положении на коленях. Устроенный таким образом крест отправлен был Никоном на остров Кий "в первые незыблемое основание" Крестной обители спустя лишь несколько дней по получении царского указа о сооружении ее, так как об этом отправлении уже объявлял Никон в упомянутой своей окружной грамоте. Знаем, что Никон не монастырек только соградил на Кие-острове с небольшою деревянною церковию, а создал полный и богатый монастырь со всеми необходимыми принадлежностями и кроме деревянных воздвиг в нем каменную церковь во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, которую и освятил впоследствии сам, именно в 1660 г. сентября 2-го. Знаем, что по ходатайству Никона царь пожаловал Крестному монастырю село Богословское в Белозерском уезде (1657), половину оброчных погостов Поноя и Еконги в Кольском уезде, равно как половину рек Поноя и Бахты с рыбными на них ловлями (1658), и приказал приписать к Крестному монастырю печенгский Трифонов монастырь с его вотчинами (апрель 1658 г.), а сам Никон с соизволения государя купил для Крестного монастыря село Турунтаево с деревнею Дылево в Вологодском уезде за три тысячи рублей из своих келейных денег (апрель 1656 г.) да село Воздвиженское в Волоцком уезде, которое в 1658 г. променял боярам Салтыковым на вотчину их в Ружском уезде - село Казаново с пустошами. Кроме того, царь пожаловал (10 июля 1657 г.) Крестному монастырю в Каргопольском и Турчасовском уездах семнадцать волостей с целыми десятками деревень и множеством земли

и крестьян, взяв себе взамен тех волостей купленные патриархом Никоном в Московском уезде село Черкизово да четыре сельца и девять деревень. Еще пожаловал царь тогда же и тому же монастырю в Каргопольском уезде село Подпорожье и волость Биричевскую со многими деревнями и крестьянами да в Коротецкой волости шесть оброчных деревень, взяв себе взамен того от монастыря село Турунтаево с деревнею Дылево. Вследствие всего этого в 1661 г., следовательно, спустя четыре года с основания Крестного, или Ставросова, монастыря оказалось, что он имел уже в своем владении 819 крестьянских дворов и в этом отношении далеко превосходил все, самые даже древние новгородские и более северные наши монастыри, за исключением только двух, Кирилло-Белозерского и Хутынского.

Одновременно с основанием Крестного монастыря на острове Кие Никон положил начало и для третьего своего монастыря, в селе Воскресенском, в 45 верстах от Москвы по Волоколамской дороге. Это село, расположенное на нагорном берегу реки Истры, с его красивыми окрестностями, с его лесами и возвышенностями, очень полюбилось патриарху, когда он, путешествуя в Иверский свой монастырь, имел здесь остановку, и у него родилась мысль воздвигнуть здесь обитель иноков. Воскресенское принадлежало тогда боярину Роману Федоровичу Боборыкину. Никон купил у боярина это село с окрестными деревнями и пустошами на имя Иверской своей обители за две тысячи рублей из своей келейной казны 3 июня 1656 г. И в том же году, как необходимо допустить, благословил приступить к очистке местности, избранной для монастыря и покрытой тогда лесом, и к постройке монастырских зданий, потому что к осени следующего года монастырь был уже готов, братия собраны, кельи и монастырские службы поставлены и деревянная церковь с трапезою сооружена. На торжество освящения церкви Никон пригласил самого государя с царским семейством и синклитом и освятил ее сам со всем освященным Собором 18 октября 1657 г. во имя Живоносного Воскресения Христова. После освящения царь, обходя монастырь, поднялся на одну из возвышенностей к востоку от монастыря, называемую ныне Елеоном, и, любуясь живописными окрестностями, воскликнул: "Воистину Сам Бог уготовал место сие на создание монастыря - оно прекрасно, подобно Иерусалиму". А чрез два дня прислал Никону из Сторожевского монастыря, где на время остановился, письмо, в котором благодарил патриарха за угощение, не отказывался посещать и впредь его новую обитель и назвал ее Новым Иерусалимом, что весьма обрадовало Никона, так как вполне соответствовало его желаниям, которые, без сомнения, он открыл государю еще прежде. Патриарх Никон положил это письмо государя в серебряный ковчежец и велел хранить на память потомкам, а монастырь приказал называть Новым Иерусалимом. В тот самый день, когда совершилось освящение деревянной церкви, Никон заложил основание и для нового, каменного храма в своей Воскресенской обители. Этот каменный храм в Новом Иерусалиме Никон задумал создать по образцу той величественной церкви Воскресения Господня, которая находится в древнем Иерусалиме и модель которой будто бы принес оттуда в Москву старец Арсений Суханов. Но постройка заложенного Никоном каменного храма, продолжавшаяся много лет, будет предметом дальнейшей

истории. А здесь нам остается сказать только, какими материальными средствами наделили новую обитель и царь и сам Никон. Царь пожаловал "в Новый Иерусалим, в монастырь Живоносного Воскресения", как сам выражался в жалованных грамотах, половину села Ивановского с крестьянами и всеми угодиями в Московском уезде (18 декабря 1657 г.), село Еднево с пустошами в Рuzском уезде (16 марта 1658 г.), половину оброчных погостов Поноя и Еконги, равно как половину рек Поноя и Лахты с рыбными ловлями в Кольском уезде (27 марта 1658 г.), и велел приписать к этому монастырю Пятницкую Берендееву пустынь в Дмитровском уезде (1658). А патриарх Никон купил для этого монастыря село Юркино и деревню Козлобородово с пустошами в Звенигородском уезде (6 марта 1658 г.) и отдал монастырю в Москве бесприходную церковь Воскресения в Панех с принадлежавшею ей землею и лавками для устройства здесь монастырского подворья (октябрь 1657 г.). Но надобно присовокупить, что кроме девяти вотчин, купленных Никоном на имя то одного, то другого, то третьего из его монастырей, он накупил в тот же промежуток времени еще до двадцати вотчин на свое собственное имя и что купчие на все эти вотчины записаны были в актовую книгу Воскресенского монастыря, вероятно потому, что для него преимущественно вотчины и назначались, вследствие чего за ним, как увидим, зачислены почти все эти вотчины и на Соборе 1667 г. А если так, то следует заключить, что монастырь Воскресенский, или Новый Иерусалим, с первых лет своей жизни был обеспечен имениями едва ли даже не более, чем монастыри Иверский и Крестный, и во всяком случае, подобно им, принадлежал к числу монастырей самых богатых.

Три монастыря патриарха Никона - три памятника его чрезвычайного могущества. Много было у него вотчин и всякого рода имений как у патриарха, даже слишком много; немало было у него как у патриарха и домовых монастырей, принадлежавших патриаршей кафедре. Но царь Алексей Михайлович позволял ему еще созидать новые монастыри; жаловал ему на эти монастыри новые села, деревни, целые волости; приписывал к этим монастырям другие, прежде основанные монастыри с их владениями и разрешал Никону вопреки действовавшему Уложению покупать и на свое имя и на имя созданных им обителей многочисленные вотчины. И все это делалось лично для Никона. Монастыри его "строения" не принадлежали к домовым монастырям патриаршей кафедры, а принадлежали ему лично, были его собственностью. И все вотчины их составляли отдельно от патриарших вотчин особую обширную область, в которой являлся он лично полноправным владельцем и хозяином. Потому-то, как увидим впоследствии, когда он оставил патриаршую кафедру и когда все патриаршие вотчины и домовые монастыри были описаны и отданы под особый надзор, три монастыря Никона со всеми их вотчинами были оставлены за ним и находились в его полном распоряжении. Сам он на случай своей смерти просил царя и Собор архипастырей приписать эти три монастыря с их имениями "к царствующему граду Москве в область, а не в дом патриарш". И Собор 1667 г. действительно не приписал их к домовым патриаршим монастырям, а признал наряду с самостоятельными монастырями.

В лице Никона власть Русского патриарха достигала такой степени, какой она не достигала ни прежде, ни после. Если патриарх Филарет Никитич пользовался некоторыми чрезвычайными преимуществами в государстве, то пользовался как отец царствовавшего тогда государя. А Никон, один из подданных, сын простого поселянина, силою своего ума и личных достоинств умел покорить себе сердце царя, возвысился до патриаршего престола, удостоился имени великого государя и сделался первым и самым могущественным после царя деятелем государственным, которому покорялись вся и все. В своих же церковных делах достиг совершенной самостоятельности и независимости от мирских властей и казался всем действительно верховным архипастырем, и полновластным владыкою, и главою управляемой им Церкви. Впрочем, как ни далеко простиралась власть патриаршая в лице Никона, она никогда резко не выступала из пределов по отношению к царской власти. Никон помнил, что он подданный государя, обращался к нему, когда считал нужным, с челобитьем и не обнаруживал прямо никаких чрезмерных притязаний, когда все благоприятствовало его могуществу. Но обстоятельства изменились, когда он почувствовал себя в царской опале; тогда, как увидим, он уже не стеснялся ничем, чтобы высказывать свои притязания во всей широте, и не полагал никаких границ этим заносчивым притязаниям. Но, сделав столько для себя как патриарха, для своей самостоятельности и независимости, что сделал Никон для независимости всей своей Церкви, для независимости прочих архипастырей и всего духовенства? Что сделал он для освобождения их от унижительной для них подсудности светским властям в Монастырском приказе, которому подчинило их Уложение? Впоследствии Никон писал Цареградскому патриарху Дионисию: "И о той проклятой книге (Уложении) многожды глаголахом царскому величеству, чтобы искоренить ее, и да держит Божественныя и св. Евангелия заповеди, и св. апостол и св. отец правила, и древних благочестивых царей законы ради освященнаго чина митрополитов, архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов, и попов и диаконов, и всего церковнаго причта: да не судят (их) мирские люди и в суд да не влекут их нуждею в мирския судилища". Но есть достоверное свидетельство, что Никон действительно ратовал против Уложенной книги, публично укорял ее, называл недоброю, даже попирал посохом. При всем том царь Алексей Михайлович не согласился ни отложить ее, ни упразднить Монастырский приказ. Может быть, Никон ходатайствовал об этом не с такою смелостию, решительностию и настойчивостию, с какими умел он ходатайствовать пред государем в других случаях; может быть, боялся слишком раздражить против себя сильных бояр, которые всячески отстаивали Уложение, опасаясь подвергнуться гневу самого государя. По крайней мере враги Никона укоряли его, что он не был подобен в этом случае тем боголюбцам, которые "скорби и смерти не боялися, за истину страдали и стояли крепко" Может быть даже, Никон, довольный тем, что для него лично как бы не существовали ни Монастырский приказ, ни Уложенная книга, что ему лично не было отказа ни в чем, что служило к независимости, возвышению и проявлению его патриаршей власти, недовольно позаботился о независимости других русских архиереев и с тою целию, чтобы тем более и яснее открывалось его верховенство и преобладание над ними и всею

Церковью. Но если и допустить все это, если согласиться, что старания Никона, направленные против Уложения, были недовольно сильны, все же они не остались бесплодными. Собор 1667 г., как увидим, признал их справедливыми, и Монастырский приказ по решению этого Собора был упразднен царем Алексеем Михайловичем.

С другой стороны, несомненно, что по крайней мере в делах собственно церковных Никон действительно освободил и прочих архиереев от подчинения светской власти. Как сами они в этих делах подлежали власти только своего патриарха, так и в своих епархиях пользовались независимую властью по отношению к подведомому духовенству. "Он, патриарх Никон, и власти, - свидетельствует один из современников, хотя и неприязненный Никону за его исправления церковных книг, - пишутся и называются великими государями и свободными архиереями: мы-де суду царскому не подлежим, судит-де нас отец наш патриарх. Они ж в своих паствах поставляют архимандритов, и игуменов, и протопопов самовольством, кто им годен, без указа великого государя, потому они называются свободными. А что они царскому суду не подлежат, и то есть свобода ж". К сожалению, и по делам церковным, предоставив епархиальным архиереям некоторую долю независимости от светской власти, Никон пользовался тою же светскою властью, чтобы поработать архиереев себе еще более и нарушать их права в их собственных епархиях. Мы видели, как действовал Никон при устройении трех своих монастырей: Иверского, Крестного и Воскресенского - и как по его ходатайству государь не только жаловал этим монастырям или утверждал за ними разные вотчины и угодья, но приписывал к ним целые монастыри с их вотчинами и угодьями. Таких монастырей приписано было четырнадцать, в том числе семь приписано к одному Иверскому монастырю. Все они находились не в епархии патриаршей, а в епархиях других архиереев, Тверского и Новгородского, и все, лишь только приписывались к монастырям Никонова строения, переходили из-под власти своих епархиальных архиереев под власть самого Никона. Вместе с тем многие из вотчин Никоновых и приписанных к ним монастырей находились также в чужих епархиях, и все приходские церкви в этих вотчинах, числом до 50, поступали также под власть Никона. У архиереев не только отнималось принадлежавшее им право правления и суда по отношению к тем монастырям с их настоятелями и братиею и к тем приходским церквам с их духовенством и прихожанами по делам духовным, но отнимались в некоторой степени и материальные средства к жизни, потому что все годовые дани и разнообразные пошлины, какие прежде означенные монастыри и их настоятели, равно приходские церкви и их духовенство, вносили своим епархиальным владыкам, теперь должны были поступать в казну самого патриарха. Пока Никон находился на своей кафедре, архиереи и монастыри молчали и повиновались. Но, когда пал, они подали на него за такое злоупотребление власти много жалоб. И Собор, судивший Никона, нашел жалобы справедливыми и возвратил все те приписные монастыри и все приходские церкви в вотчинах Никоновых монастырей под власть местных епархиальных архиереев, а Никона признал виновным в том, что он поступал в этом случае вопреки церковным правилам и не объявлял тех правил царю государю, чрез что и вводил его в заблуждение.

